

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

КОНЕЦ ЛЕТА

ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ НЕГОДЯЙ

ЧУДО

СЕЗОН СТРАСТИ

ЛУЧШИЙ ДЕНЬ В ЖИЗНИ

ДАНИЭЛА СТИЛ

ЛУЧШИЙ ДЕНЬ
В ЖИЗНИ

МОСКВА
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С80

Danielle Steel
ONE DAY AT A TIME

Copyright © 2009 by Danielle Steel

Перевод с английского *Ульяны Сапциной*
Художественное оформление *Сергея Власова*

Стил, Даниэла.
С80 Лучший день в жизни : [роман] / Даниэла Стил ;
[пер. с англ. У. Сапциной]. — Москва : Эксмо,
2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-090982-7

Коко Баррингтон — белая ворона в своей влиятельной и богатой семье. Ее мать, знаменитая писательница, выпускает бестселлер за бестселлером, а старшая сестра — успешный голливудский продюсер. А вот у самой Коко нет ни образования, ни приличной работы, ни каких-либо планов на будущее. К тому же девушку угораздило влюбиться в знаменитого актера Лесли Бакстера — мечту миллионов поклонниц. Именно это внезапное чувство станет поворотным событием в жизни Коко и заставит ее посмотреть на мир другими глазами.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Сапцина У., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-090982-7 ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Моим любимым детям
Беатрикс, Тревору, Тодду,
Нику, Сэму, Виктории, Ванессе,
Максу и Заре — надежде, любви
и радости моей жизни!
Со всем теплом и любовью —
мама, Д. С.

Что бы ни случилось ранее и в будущем,
я по-прежнему верю в любовь,
какие бы обычные, нетрадиционные,
заурядные или невероятные формы
она ни принимала.
Никогда не теряйте надежды.
Д. С.

Глава 1

Нарождающийся июньский день был изумителен, солнце вставало над городом, а Коко Баррингтон любовалась восходом с террасы своего дома в Болинасе. Глядя на протянувшиеся по небу розовые и оранжевые полосы и пригубливая дымящийся китайский чай, она раскинулась в выцветшем колченогом шезлонге, купленном на «гаражной» распродаже. Эту сцену безмятежно созерцала древняя с виду деревянная статуэтка Гуаньинь, богини милосердия, — давний и бесценный дар. Под благосклонным взглядом Гуаньинь миловидная молодая женщина купалась в золотистом рассветном сиянии, и ее длинные рыжевато-каштановые волосы, мягкими волнами ниспадающие почти до талии, отливали жаркой медью в лучах летнего солнца. Коко сидела босиком, в старой ночной рубашке — фланелевой, застиранной, с узором поблекших сердечек. Дом на плато Болинас, обращенный к океану и узкой полоске пляжа, был пределом мечтаний Коко. Здесь она прожила четыре года. Для ее двадцати восьми лет идеально подходили и этот дом, и крошечный прибрежный поселок менее чем в часе езды на север от Сан-Франциско.

Назвать ее жилье домом можно было лишь с натяжкой: оно представляло собой скорее дачную постройку, которую мать и сестра Коко именovali сараем, а в минуты снисходительности — лачугой. Обе никак не могли уразуметь, с чего вдруг Коко вздумалось поселиться здесь, не говоря уже о том, как она вообще продержалась так долго. Сбылись худшие опасения обеих: подобного поступка они не ожидали даже от Коко. Мать испробовала лесть, оскорбления, язвительные уколы и наконец решилась на подкуп, лишь бы вернуть дочь в «лоно цивилизации», как она называла Лос-Анджелес. Но в образе жизни матери и в своем детстве Коко не находила ничего цивилизованного. Люди, их жизнь, устремления, дома, приметы косметических операций на лицах почти каждой встречной — все это казалось Коко фальшивым. А ее собственная жизнь в Болинасе была простой и настоящей, искренней и бесхитростной, совсем как сама Коко. Она ненавидела подделки. Впрочем, лоск ее матери не был поддельным: она и вправду тщательно следила за собой. Преуспевающая романистка, автор бестселлеров, она не обманывала читателей, просто ее романам не доставало глубины, несмотря на их успех. Мать выбрала в качестве псевдонима девичью фамилию и имя своей матери — Флоренс Флауэрс; шумным успехом она буквально упивалась. Ей уже минуло шестьдесят два года, и жизнь ее напоминала волшебную сказку, пока ее муж, отец Коко, Бернард Баррингтон, или просто Базз, самый влиятельный литературный и театральный агент Лос-Анджелеса, не скончался четыре года назад.

Он был шестнадцатью годами старше жены, однако еще оставался крепким. Но внезапно умер от инсульта. В своем деле он обладал внушительным авторитетом, свою жену опекал и баловал, как ребенка, все тридцать шесть лет супружеской жизни. Это он способствовал писательской карьере жены и умело руководил ею. Коко часто гадала, сумела бы ее мать подняться так высоко без помощи отца или нет. Подобным вопросом мать никогда не задавалась и ни на минуту не сомневалась в достоинствах своих книг и в собственных мнениях по любым житейским поводам. Она не скрывала свое разочарование в дочери и не стеснялась называть Коко недоучкой, хиппи и неудачницей.

Преуспевшая в жизни сестра Джейн оценивала достижения Коко более сдержанно, но отнюдь не снисходительно: по ее мнению, Коко страдала «патологической склонностью довольствоваться малым». Джейн твердила, что в отличие от младшей сестры сама никогда не упускала шанса добиться успеха. С не меньшей настойчивостью она напоминала Коко, что выбрать верный курс еще не поздно, но если та и впредь намерена вести жалкое существование пляжной бездельницы в лачуге посреди Болинаса, ни на какие подарки судьбы пусть не рассчитывает.

Но Коко ее собственная жизнь вовсе не казалась чередой неприятностей. Она неплохо зарабатывала на жизнь, производила благопристойное впечатление, не пристрастилась к наркотикам, да и вообще их не употребляла, если не считать нескольких косячков в дружеском кругу еще в колледже, а среди ее ровесников такая воздер-

жанность встречалась нечасто. Коко не стала обузой для родных, ее ниоткуда не выселяли и не выгоняли, она не заводила случайных и беспорядочных связей, не беременела неизвестно от кого и не попадала за решетку. Образ жизни старшей сестры она не критиковала и не собиралась этого делать; она никогда не говорила матери о ее смешной и нелепой манере одеваться; не отпускала замечаний о пластическом хирурге, который явно перестарался, делая последнюю подтяжку. Коко просто хотелось быть самой собой и жить так, как она считала нужным. «Шикарный», свойственный респектабельному Бель-Эйру образ жизни матери и сестры вызывал у нее чувство неловкости, она терпеть не могла, когда на нее обращали внимание как на дочь двух знаменитостей, а с недавних пор как на младшую сестру еще одной известной личности. Все это ей ни к чему, ей вполне хватит своей жизни. Период ожесточенных баталий с родней начался после того, как Коко с отличием окончила Принстон, на следующий год поступила в Стэнфордскую школу права и была отчислена со второго курса, с тех пор прошло три года.

Коко пообещала отцу, что попробует изучить право, а он заверил, что у него в агентстве для дочери всегда найдется место. И добавил, что успешному агенту диплом юриста лишь на пользу. Вот только быть юристом ей совсем не хотелось, а тем более работать вместе с отцом. Ее ничуть не прельщала возможность быть представителем популярных писателей, сценаристов или известных скандальными выходками кинозвезд, которые были страстью ее отца, его куском хлеба с маслом

и единственным увлечением в жизни. За годы детства Коко у них в доме перебивали все знаменитости Голливуда. Она не представляла себе, как можно, по примеру отца, провести среди этих людей всю жизнь. Втайне она считала, что почти пятьдесят лет каторжного труда среди избалованных, взбалмошных, невыносимо капризных людей и убили ее отца. Такая работа для Коко была бы равносильна смертному приговору.

Отец умер, когда Коко училась на первом курсе школы права, она продержалась еще год, а потом все-таки вылетела. По этому поводу мать несколько месяцев устраивала скандалы, до сих пор продолжала попрекать дочь и твердить, что в Болинасе она живет точно бродяжка. В пресловутой лачуге мать побывала лишь однажды, но с тех пор не переставала возмущаться. Коко решила остаться в окрестностях Сан-Франциско после того, как ее отчислили из Стэнфорда, — северная Калифорния пришлась ей по душе. Джейн переселилась сюда же тремя годами раньше, но часто ездила в Лос-Анджелес по делам. Несмотря на эти частые визиты, мать по-прежнему сокрушалась, что обе дочери предпочли север и бросили Лос-Анджелес. Коко редко навещалась в родительский дом.

Джейн исполнилось тридцать девять. К тридцати годам она уже была одним из самых известных продюсеров Голливуда. По карьерной лестнице она взобралась на головокружительную высоту и могла похвалиться одиннадцатью картинами, сделавшими рекордные кассовые сборы. На фоне колоссальных успехов Джейн младшая сестра смотрелась еще бледнее. Мать не уставала

твердить Коко, как отец гордился Джейн, и тут же разражалась слезами, вспомнив о пропащей жизни младшей дочери. Слезы были ее испытанным оружием, с их помощью мать могла добиться от мужа чего угодно. Базз во всем потакал жене и обожал дочерей. Временами Коко казалось, что она могла бы растолковать отцу, почему живет так, а не иначе, что движет ею, но в глубине души она знала, что никогда не начнет этот разговор. Отец не понял бы ее, как не понимали мать и сестра, а нынешняя жизнь Коко попросту озадачила и расстроила бы его. Когда Коко поступила в Стэнфордскую школу права, он ликовал и надеялся, что учеба положит конец ее чрезмерной увлеченности либеральными идеями. Он считал, что в доброте и заботе о планете и ближнем нет ничего плохого, главное — во всем знать меру. Учась в колледже, Коко, по мнению отца, слишком поддавалась благим порывам, но он уверял мать, что учеба в школе права все расставит по местам. Его надежды не сбылись — Коко отчислили.

Отцовского наследства с избытком хватило бы на жизнь, но Коко даже не прикасалась к этим деньгам, предпочитая тратить только то, что заработала сама, и вдобавок отдавала часть средств в фонды, деятельность которых одобряла и поддерживала, преимущественно экологические, занимающиеся охраной природы, или помогающие нуждающимся детям в странах третьего мира. Сестра Джейн называла ее жалельщицей. И у матери, и у Джейн всегда находились тысячи самых нелестных прозвищ для Коко, и каждое больно ранило ее. Однако жалельщицей Коко призна-

вала себя охотно, потому и дорожила статуэткой Гуаньинь. Богиня милосердия будила самые чувствительные струны ее души. Она была безупречно цельной натурой, ее великодушное сердце непрестанно дарило доброту и тепло тем, кто в них нуждался, и Коко не видела в этом ничего дурного или предосудительного.

Джейн стала возмутительницей семейного спокойствия в подростковом возрасте. В семнадцать она объявила родителям о своей нетрадиционной ориентации. Коко, которой в то время не было и шести лет, даже не подозревала о вспыхнувшем конфликте. В открытую заявив о лесбийских наклонностях в выпускном классе школы, после поступления в Калифорнийский университет Джейн стала воинствующей защитницей прав лесбиянок и попутно изучала киноискусство. На просьбу матери появиться в свете на балу дебютанток Джейн ответила категорическим отказом и добавила, что лучше умереть, чем разбить родительнице сердце. Но, несмотря на нестандартные предпочтения в сексе и подростковую агрессивность, Джейн ставила перед собой те же материальные цели, что и ее родители. Отец все же простил заблудшую дочь, обнаружив, что она держит курс на славу. Джейн добилась своего, и все конфликты с родителями были забыты. Последние десять лет она жила с талантливой сценаристкой — милой, тихой и пользующейся заслуженной известностью. Обе переселились в Сан-Франциско, поближе к большому гомосексуальному сообществу. Фильмы этих женщин смотрел весь мир, их знали и любили. Джейн уже четыре раза номинировали на

«Оскар», но пока ни разу не наградили. Мать прекрасно ладила с Джейн и Элизабет на протяжении всего десятилетия их совместной жизни. Разлад в семью вносила только Коко — заставляла всех изводиться от беспокойства за нее, раздражала своим абсурдным выбором, жалким существованием хиппи, пренебрежением ко всему, чем так дорожили ее родители, и этим доводила мать до слез.

В конце концов всю тяжесть вины родные Коко возложили на мужчину, с которым она жила, когда ее отчислили из школы права, приписали ее вздорные идеи его влиянию и напрочь забыли, сколько лет она находилась под влиянием только своей семьи. Отношения Коко с этим человеком продолжались в годы ее учебы в Стэнфорде, он сам ушел из школы права, так и не получив диплома. Йен Уайт был полной противоположностью всему, о чем мечтали для дочери родные. Умный, не лишенный способностей, образованный, он тоже, как указывала Джейн, предпочитал довольствоваться малым. Окончив учебу в Австралии, Йен перебрался в Сан-Франциско и открыл школу дайвинга и серфинга. Веселый, ласковый, покладистый, любящий шутку, он был идеальным партнером для Коко. При всех достоинствах ему не доставало лоска, стремление к независимости побуждало его жить своим умом, и Коко при первой же встрече поняла, что нашла родственную душу. Через два месяца они поселились вместе. К тому моменту Коко исполнилось двадцать четыре. Спустя два года Йена не стало. Проведенное с ним время Коко считала лучшим в своей жизни и жалела лишь о том, что им досталось всего

Лучший день в жизни

два года. Йен погиб во время полета на дельтаплане: резкий порыв ветра швырнул его на скалы, он разбился насмерть. Все было кончено в один миг, Йен унес с собой их мечты и надежды. Коко осталась купленная вдвоем «лачуга» в Болинасе, где по-прежнему хранились гидрокостюмы и дайверское снаряжение Йена. Первый год после его смерти дался Коко особенно тяжело; поначалу мать и сестра сочувствовали ей, но вскоре их запасы сострадания иссякли. Если Йена уже не вернуть, рассуждали они, ничего не поделаешь: Коко пора справиться с горем, взяться за ум, наконец-то повзрослеть. И она справилась, но совсем не так, как рассчитывали родные. Такой обиды они не стерпели.

Коко и сама понимала: хватит жить воспоминаниями об Йене, пора идти дальше. За последний год она заводила несколько знакомств, но не встретила никого хотя бы отдаленно похожего на Йена. Мужчины, в которых было бы столько же энергии, жизни, тепла и обаяния, ей не попадались. Выдержат сравнение с Йеном было непросто, но Коко надеялась, что когда-нибудь найдется человек, на котором она остановит выбор. Вероятно, время еще не пришло. Даже Йену не понравилось бы, что она чахнет в одиночестве. Но и торопиться незачем. В Болинасе она с радостью встречала каждый новый день. Строить карьеру Коко не собиралась, не нуждалась в славе и в отличие от родни не пыталась самоутвердиться. Роскошный особняк в Бель-Эйр ей ни к чему. Хватит и того, что было у них с Йеном, — чудесных дней, счастливых минут, ночей любви, о которых она будет помнить